

НАКАНУНЕ КРУШЕНИЯ ИМПЕРИИ

В 1915 – 1917 годах один батюшка, служивший на сельском приходе, опубликовал в «Вятских епархиальных ведомостях» материал под незамысловатым названием «Из записок священника». Пастырь не указал полного имени и скрылся за инициалами «И.М.». В небольших зарисовках, выделяемых порядковыми номерами и подзаголовками, он, размышляя о различных сторонах жизни, рассказал о своём приходе и встречах с людьми. Всего было опубликовано 30 историй, последняя часть — 23 февраля (по старому стилю) 1917 года, всего за несколько дней до трагического отречения Государя Николая II и падения императорской России. Эти вроде бы бесхитростные заметки стали свидетельством о жизни Вятской епархии и людей того времени, но многое из того, о чём шла речь 100 лет назад, можно встретить и сегодня...

Первая история называется «Традиционные пароходные порядки, касающиеся религии». Автор отмечает, что обычаи, с которым ему пришлось столкнуться во время плаваний на пароходах, в других местах он не встречал. Так, при отходе от пристани судов местного пароходства всегда раздавался свисток, призывающий команду к особой молитве в начале рейса.

На каждом судне была икона святителя Николая Чудотворца. Перед началом навигации обязательно служился молебен, но более всего батюшка приятно удивился тому, что служащие пароходства, ведущие служебные записи, начинали их словами «Господи, благослови». «Такое начало, — рассуждает священник И.М., — пожалуй, редко встретишь и в церковных канцелярских книгах, а надписание их в учреждении нецерковном, светском, частном тем более удивительно».

Батюшка пишет ещё об одном обычае: на время пасхальной утрени пароход останавливался у ближайшего села, и команда отправлялась на службу в храм. «Невольно напрашивается мысль: не потому ли пароходные несчастия у нас сравнительно весьма редки?» — размышляет автор.

Речь, скорее всего, идёт о «Товариществе Вятско-Волжского пароходства». Известно, что среди его учредителей были знаменитые вятские купцы Филипп Тихонович Булычёв и Яков Фомич Тырышкин, люди искренне верующие, известные меценаты, храмостроители.

В другой истории, которая называется «Исповедь интеллигента», речь идёт об уездном чиновнике, который любил ходить пешком из города домой в село, где жила его семья. Он старался приходить в храм к началу утрени, пел и читал шестопсалмие, часы, Апостол. Однажды, признавался священник И.М., благодаря этого человека за помощь, «я отдал должное его религиозности». Ответ был следующий: «Помилуйте, это вовсе не свидетельствует о моей религиозности, просто люблю церковное пение и чтение». В дальнейших разговорах выяснилось, «что он вопросами о бессмертии, Боге, личности Христа и т.п. не занимался; с Библией почти не знаком, слышал из неё только несколько «соблазнительных историй»... Вопрос о будущей жизни и о смысле настоящей не был ему чужд, но решал он его своеобразно: смысл бытия полагал в жизни в своём потомстве, а если нет его — в улучшении окружающей среды».

Собеседник священника активно участвовал в различных общественных и благотворительных организациях, причём, делал это добросовестно. У него была возможность бывать на светских развлечениях, но он предпочитал им церковную службу. Почему же интеллигент делал такой выбор? — задаётся вопросом отец И.М. и заключает: «А потому, вероятно, что душа по природе — христианка, и только немецкий рационализм отвлекает её на страну далече. Мораль: пение и чтение церковное — могучее средство воздействия на душу человека».

Третий сюжет наблюдательный автор назвал «Из области таинственного». Батюшка рассказывает, что некоторые женщины из его прихода, желая увидеть мужей или сыновей, находившихся в действующей армии, прибегали к хитрости и сообщали о болезни своей или родителей. Можно предположить, что такой вызов в разгар Первой мировой войны

был возможен не с фронта, а из части, которая в момент получения телеграммы находилась в тылу. Священник приводит два точных случая, «которые показывают всю опасность такого рода поступков». Одна пожилая, но бодрая женщина послала своему сыну телеграмму, что находится при смерти, и, действительно, скоро умерла. Другая таким же ухищрением вызвала своего мужа и скончалась вскоре после его приезда.

И напоследок история, названная «Статистика». Известно, что в старой России крестьяне содержали своих приходских священников и членов причта и жертвовали прежде всего продукты. Но вот какая любопытная деталь выяснилась во время проведения сельскохозяйственной переписи: крестьяне говорили переписчикам, что собирают для церковного причта с каждой семьи по пуду ржи, овса и ячменя. Выходили нереальные, астрономические показатели — до 500 пудов каждого хлеба (в пересчёте на привычную для нас меру веса — 24 тонны!). Батюшка пишет: «На одном из собраний я передал это духовенству как анекдот.

— Это что, по одному пуду. У нас показывают по пять! — был ответ.

— Сколько же ты, отче, должен собрать с прихода?

— Да тысячи три-четыре пудов в год!».

Осмысливая этот диалог, священник И.М. пишет: «Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Ведь такая статистика, преувеличенная до чудовищных размеров, может послужить козырем против духовенства: помилуйте, — могут сказать с трибуны Государственной Думы или в газете, — духовенство богато: набирает тысячи пудов хлеба, как «доказано статистикой».

«Нелишне было бы епархиальному съезду обратить внимание на такую статистику», — заканчивает батюшка, но очень скоро апелляция равнодушного священника к епархиальному съезду стала не актуальна: после 2 марта 1917 года наступила новая реальность, но об этом ещё не знали ни И.М., ни герои его «Записок священника».